

Научная статья

УДК 94(470+571)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тамерлан Владиленович Гаджиев

Дагестанский государственный университет (д. 43-а, ул. М. Гаджиева, Махачкала, 367000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор.

gatam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5036-3131>

Аннотация. Введение. Статья посвящена определению исторического времени и места на территории современной Российской Федерации, где мусульманство не просто впервые обнаружило себя, а утвердилось именно как официальная религия. Говорить о мусульманстве как о государственной религии неправомерно уже в силу того, что ислам не институализирован по самой своей сущности. **Материалы и методы.** Поскольку процесс распространения мусульманского вероучения для истории не более чем вчерашний день, хорошо известный во всех подробностях, источников и специальной литературы вполне достаточно, чтобы решить этот вопрос в хронологическом плане, даже в том случае, когда речь идёт о наиболее удалённом, северном ареале утверждения ислама. Содержание и суть настоящей статьи заключается не в последовательном изложении фактов и событий, а в их методологической интерпретации, свободной от идеологических установок и этнополитических пристрастий. **Анализ.** Сам факт утверждения мусульманской религии рассматривается в статье как целенаправленный процесс, инициированный и проводимый именно государственной властью в рамках определенной этнополитической и этнотерриториальной общности, непрерывно существующей на территории Российской Федерации до настоящего времени. В статье последовательно проводится мысль, что рассматриваемого в ней вопроса могло и не

возникнуть, если бы отечественная историческая наука в последние десятилетия не оказалась в значительной мере под влиянием этнического мифотворчества, потеснившего добросовестный, взвешенный подход к историческим фактам, издавна присутствующим в научном обороте. **Результаты.** Арабское вторжение на Кавказ в VIII в., в отличие от Южного Кавказа, не имело для Дагестана каких-либо значимых последствий. Утверждение ислама в Дагестане произошло на рубеже XI-XII вв. вследствие широко распространившегося на территории Ближнего Востока, а также Передней и Центральной Азии миссионерского движения, известного как движение газиев, т.е. движение борцов за веру.

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, движение газиев, каландар, вали, шамхал, Гази-Кумух, Поволжье, Булгар

Для цитирования: Гаджиев Т. В. К вопросу о времени и месте утверждения ислама на территории Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 50–59. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.11.2023.

Статья принята к публикации: 26.12.2023

Research article

ON THE INITIAL STAGE OF ADOPTING ISLAM AS ONE OF THE OFFICIAL RELIGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tamerlan V. Gadjev

Dagestan State University (43-a Gadjev St., Makhachkala, 367000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

gatam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5036-3131>

Abstract. Introduction. The article is devoted to determining the historical time and place on the territory of the Russian Federation, where Islam established itself as an official religion. It is not legitimate to speak about Islam as a state religion already because Islam is not institutionalised by its very essence. **Materials and Methods.** Since the process of spreading the Muslim doctrine for history is nothing more than yesterday, well known in all details, the sources and special literature are quite enough to solve this question chronologically, even in the case when we are talking about the most remote, northern area where Islam spread. The content and essence of this article is not in the sequential presentation of facts and events, but in their methodological interpretation, free from ideological attitude and ethno-political bias. **Analysis.** The article considers the very fact of the establishment of the Muslim religion as a purposeful process initiated and carried out by the state power within a certain ethno-political and ethno-territorial community that has existed continuously on the territory of the Russian Federation up to the present time. The article consistently argues that the issue under consideration in the article might not have arisen if the Russian historical science in recent decades had not been largely influ-

enced by ethnic myth-making, which ousted a conscientious, balanced approach to historical facts that have long been present in scientific circulation. **Results.** The Arab invasion of the Caucasus in the 8th century, unlike in the South Caucasus, did not have any significant consequences for Dagestan. The establishment of Islam in Dagestan occurred at the turn of the 11th-12th centuries as a result of the missionary movement, known as the Ghazi movement, i.e. the movement of fighters for the faith, which spread widely in the Middle East, as well as in West and Central Asia.

Keywords: Dagestan, Derbent, Ghazi movement, kalandar, vali, shamkhal, Gazi-Kumukh, Volga region, Bulgar

For citation: Gadjev TV. On the initial stage of adopting Islam as one of the official religions in the Russian Federation. *Humanities and law research*. 2024;11(1):50-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interest.

The article was submitted: 14.08.2023.

The article was approved after reviewing: 16.11.2023.

The article was accepted for publication: 26.12.2023.

© Гаджиев Т. В., 2024

Введение / Introduction. Вынесенный в заглавие статьи вопрос, на первый взгляд, может вызвать некоторое недоумение. Ведь процесс распространения ислама как вероучения для истории не более чем вчерашний день, хорошо известный во всех своих подробностях. И даже, когда речь идёт об одном из наиболее удалённых, северных ареалов его распространения, имеющиеся в научном обороте источники и специальная литература, позволяют без особых усилий решить этот вопрос в хронологическом плане. Однако суть вопроса состоит не в последовательном изложении событий, а в их методологической интерпретации, обусловленной идеологическими установками и этнополитическими интересами интерпретаторов. В результате и возник вопрос, которого могло не быть, при относительно объективном и научно-добросовестном взгляде на конкретно-исторические факты, издавна присутствующие в научном обороте.

Материалы и методы / Materials and methods. Материалами для настоящей статьи послужили хорошо известные нарративные источники, достаточные для того, чтобы удовлетворять требованию рассматривать исторический процесс в свете как можно большей совокупности фактов. При этом её научная новизна состоит не в фактографически обоснованном, последовательном изложении событий, а в принципиально иной их оценке на теоретической базе холизма, а также незыблемого для исторической науки принципа историзма, в совокупности с методологией юридической или, как её принято именовать в русской традиции, государственной школы.

Анализ / Analysis. Вне всякого сомнения, Дербент стал первым из исторически значимых поселений на территории современной Российской Федерации, куда вместе с победоносными мусульманскими войсками проникло и мусульманское вероучение. Однако ни тогда, в середине VII в., ни на протяжении последующих тысячи с лишним лет, Дербент не являлся дагестанским городом, а потому некорректно считать середину VII в. точкой отсчёта распространения ислама среди дагестанских этносов и, как следствие, среди народов, входящих в состав современной Российской Федерации.

Как известно, классическая историография не подвергает ни малейшему сомнению тот факт, что фортификационный комплекс

Дербента был возведён первыми Сасанидами как северный форпост их великой державы, укреплён самым выдающимся представителем династии - Хосровом I Ануширваном и, после гибели последнего из династии - Ездигерда III, включён в состав новой великой мусульманской державы при третьем праведном халифе Усмани.

И тогда же занявшим Дербент (Баб ал-Абваб) мусульманским войскам пришлось столкнуться с враждебностью двух государственных образований. Одним из них был Хазарский каганат, выделившийся к середине VII в. из Западно-Тюркского каганата. А вторым, почти неизвестный широкому кругу, Сарир, представлявший собой раннефеодальную полиэтническую федерацию, становление и развитие которой происходило при решительной и разносторонней поддержке Сасанидского Ирана. Это было существовавшее уже почти столетие первое общедагестанское историческое государство со столицей в Хунзахе, служившем резиденцией его верховному правителю - Владыке Сарира (Сахиб ас-Сарир) [9].

Глубокая связь Сасанидов с правящей в Сарире династией прочно вошла в историческую традицию. В монументальной поэме великого ираноязычного поэта Низами «Искендер-наме» читаем: «...Царевич из рода Кей-Хосрова в том царстве владыка народа, о Высоком Сарире заботится он...», и в ней же владыка Сарира назван кеянидом [22, с. 265], т.е. лицом, принадлежащим к потомкам изначальных правителей Древнего Ирана. В других средневековых источниках он фигурирует как владыка Сарира (Сахиб ас-Сарир), «падишах древнего рода» или Хакан гор (Хакан ал-Джибаль). Касаясь последнего из этих титулов, видный отечественный историк А.П. Новосельцев подчеркивал, что в отношении правителя Сарира этот титул употреблен наряду с владетелями хазар и русов, что указывает на его высший суверенитет в Горном Кавказе. И он же предлагал соотносить статус верховного правителя Сарира «с великим князем на Руси, под началом которого были простые князья, или же с королем в Западной Европе, под началом которого находились герцоги, графы и т.д.» [23, с. 135-136].

В этом контексте следует указать, что по отношению к Сасанидскому Ирану, правитель Сарира был марзубаном, т.е. правителем дружественной пограничной страны, хранителем границы, вполне соотносимым с марк-

графом. Поддержка, оказываемая ему Сасанидским Ираном, выражалась в значительных денежных субсидиях, долях в военной добыче, выделении крупных земельных угодий, а по некоторым данным и в передаче под его начало отдельных воинских контингентов [21, с. 133]. Это было обусловлено заинтересованностью Сасанидов в прочном военно-политическом союзе, направленном против кочевников с севера: Тюркского, а затем и Западно-тюркского каганата. Как бы ни были крепки оборонительные сооружения Дербента, значение естественной крепости, которую представлял собой Сарир под началом правителя – союзника, не могло не учитываться в их стратегических планах. А потому враждебное отношение Сарира к арабо-мусульманским войскам, сокрушившим Сасанидов, вполне объяснимо.

В свою очередь хазары, выделившиеся практически в это же время из Западно-тюркского каганата и создавшие свой, Хазарский каганат, поспешили воспользоваться крушением мировой Сасанидской империи и заполонили западное побережье Каспийского моря вплоть до Дербента. Но встречный натиск арабо-мусульманских войск остановил их. Отголоском тех событий и является легенда о 40 мучениках, упокоившихся на кладбище «Кырхляр», которая дошла до нас в широко известном источнике XVII в. «Дербент-наме».

Перед лицом общего противника, укрепившегося за стенами Дербента, между Сариром и Хазарией произошло некоторое сближение, продлившееся до середины 30-х годов VIII в. Тогда престарелый наместник на Кавказе - Маслама, был отозван халифом Хишамом, а его место занял молодой и уже проявивший себя полководец Марван ибн Мухаммад [23, с. 182-183]. В течение одного, 737 года, он сокрушил Хазарское государство, после чего приступил к планомерному завоеванию Сарира.

Здесь ему пришлось натолкнуться на мощные крепости и упорное сопротивление населения, для преодоления которого Марван затратил семь долгих лет с 738 по 744 г. [23, с. 236]. О событиях, связанных с завоеванием Сарира повествует ряд арабо-иранских авторов, а наиболее подробно и живописно ал-Куфи [16], но даже он не упоминает о каких-либо попытках исламизировать Сарир. При этом источники, несмотря на некоторые цифровые расхождения, вполне

определенно указывают размеры дани, которая была наложена на завоеванные области Сарира [5, с. 257].

Основываясь на ат-Табари, А.В. Гадло даже утверждал, что поход в глубины хазарской степи и разгром хазар имел главной целью завоевание Сарира [11, с. 161]. «Походы арабов в горные области Восточного Кавказа, – писал он, имели целью организацию материального снабжения арабских войск в Закавказье. В период правления Масламы Дербент был превращен в главный сборный пункт, куда поступала дань из покоренных земель. Показательно, что источники не говорят об обращении горцев в ислам, но вполне определенно, хотя и с большими расхождениями, называют размеры дани, которая была наложена на завоеванные области Дагестана» [11, с. 161]. И это суждение видного отечественного кавказоведа-этнолога вполне оправданно, если принять во внимание, что «Сарир – это область между Абхазом (Грузией - Т.Г.), Кипчаком (Хазарией – Т.Г.), Ширваном и Дербентом: область большая, очень возделанная, труднодоступная, с большим количеством населения», как отмечается в географическом сочинении XIII в. на персидском языке [20, с. 205-206]. А также соотнести его со свидетельством Ибн-Русте, утверждавшим, что «Царю (Сарира – Т.Г.) принадлежит 20 тысяч долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни» [13, с. 219].

Развеять же всякое сомнение на этот счёт позволяет академик Н.И. Вавилов, характеризовавший Дагестан как один из древнейших регионов с земледельческим опытом и высочайшей террасной культурой земледелия. «В Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия – писал он. - Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать земли, чем это делают в Дагестане» [8, с. 80].

Но зависимость Сарира от арабов оказалась эфемерной, и практически ни один из известных источников не сообщает о реальной выплате дани правителем Сарира или кем-либо из вассальных ему владетелей. В известной мере этому способствовало и Аббасидское движение, в результате которого в 750 г была свергнута династия

Омейядов. Попытки арабов уже при аббасидском халифе Харун ар-Рашиде (786-809 гг.) вернуться в Дагестан встретила резкий отпор. «Напавшие на крепость Хамзин (Хамри – *З.М. Буниятов*) арабы были обращены в бегство» [7, с. 115].

В результате арабы переняли традиции политики Сасанидов в отношении Дагестана, столкнувшись с труднопреодолимым ландшафтом, воинственностью населения и необходимостью совместными усилиями противостоять хазарам. На протяжении IX-X вв. государство Сарир крепло и даже расширялось на юг за счет Аррана [5, с. 262]. Тем временем хазары, так и не оправившись от учинённого Марваном разгрома, слабели и практически утратили влияние на Восточном Кавказе.

Как писал А.П. Новосельцев, в районе Дагестана «...влияние хазар уже в IX в. падало и, в конце концов, утратило самостоятельный характер» [23, с. 194]. В начале X в. все известные нам случаи их вмешательства в политические события в Дагестане связаны с местными дагестанскими владетелями, в союзе с которыми хазары действовали [23, с. 193]. При этом синхронный источник, автором которого является ал-Масуди, сообщает: «царь (Сарира) совершает нападения на хазар (Караулов переводит «усердно и с успехом воюет» – *Т.Г.*) и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах» [19, с. 204].

В конечном счёте, надо констатировать, что ни один из источников, принадлежащих к всемирно известному корпусу арабской географической литературы, не свидетельствует в пользу издревле присутствующего в Дагестане мнения о том, что в VIII в. арабы силой оружия утвердили ислам на дагестанской почве. При этом нет никаких оснований думать, что их авторы были индифферентны к конфессиональным вопросам. К примеру, Ибн-Русте, рассказывая о главной укрепленной резиденции царя Сарира, городе Хунзахе, подчёркивает, что все живущие за городскими стенами – «христиане, а все остальные жители страны – язычники» [9, с. 219]. В свою очередь, ал-Масуди, говоря о второй по значимости резиденции царя Сарира, городе Кумухе, особо отмечает, что «его жители – христиане» [12, с. 203]. И он же, указав, что «за Ширваном лежит царство Табасаран», не преминул заметить: «Правитель его мусульманин, племянник (сын сестры) того Абд

ал-Малика (Маслама ибн Абд ал-Малик, брат халифов Валида и Хишама – *Т.Г.*), который был амиром ал-Баба (Дербента – *Т.Г.*)» [12, с. 192].

Утверждение ислама в Дагестане произошло на рубеже XI-XII веков вследствие широко распространившегося на территории Ближнего Востока, а также Передней и Центральной Азии миссионерского движения, известного как движение газиев, т.е. движение борцов за веру. В.В. Бартольд [3, с. 272], А.Ю. Якубовский [27, с. 63] и другие исследователи относили его к IX-XI векам, а в Дагестан это движение пришло после X века [17, с. 175-176], [2, с. 115]. Участвовавшие в нём миссионеры именовались «посошыми войсками» [18, с. 16-17], так как передвигались, опираясь на посохи.

В одном из списков базового для дагестанской истории источника «Тарих-Дагестан» сказано, что в 500 г. Хиджры (1106-1107 гг. от Р/Х) на Кавказ прибыло большое число газиев, возглавляемых неким Каландаром. Он захватил Кайтаг и, якобы, провозгласил себя эмиром, после чего, нарушив договор (с кем – ?), внезапно напал на Кумух и захватил его. Выбор именно этого города, впервые упомянутого в том же источнике с почетной приставкой «Гази», в качестве плацдарма для последующей исламизации Дагестана был не случаен. Он не только находился в самом центре Сарира, но и обладал развитой инфраструктурой, на что указывают арабо-иранские синхронные источники, сообщающие о том, что в Кумухе имелся второй «крепкий замок царя Сарира», в котором находился его «второй трон» и даже хранилась «сокровищница». Вместе с тем, надо иметь в виду, что вопреки бытующему в Дагестане мнению, персидское слово каландар не является именем собственным. По-арабски оно звучит как карандар, по-турецки – календер и обозначает нищенствующего дарвиша, исполняющего минимум религиозных предписаний. Но поскольку в дагестанской традиции оно звучит именно как «каландар» или «калantar», можно заключить, что его носителем был ираноязычный «газий», принадлежавший к суфийскому братству (тарики) каландарийя, широко распространившемуся на протяжении XI - XIII вв. [14, с. 129-130].

Вооружённое миссионерское движение газиев раскололо правящую династию и элиту Сарира. Владыка Сарира, опираясь на ближайшее окружение и горожан Хунзаха,

упорствовал в приверженности христианству, не имея при этом достаточных сил для его распространения, а также поддержки извне. И по мере того, как его языческие подданные всё больше обращались в ислам, он, вместе со своими приверженцами, оказывался во все большей изоляции. Напротив, укрепившиеся в Кумухе представители этой же династии, обратившись в ислам, обрели поддержку в лице миссионеров-газиев и выдвинули из своей среды лидера «мусульманской партии», который вошёл в историю с титулом «шамхал», имевшим изначальную форму «шах-бал» [4, с. 412], [6, с. 226].

На основе иранской лексики этот нигде более не встречающийся титул, может трактоваться как «шах партии», но может и указывать на то, что его обладатель принадлежит к шахскому древу/кусту, что в конкретном случае должно указывать именно на генеалогическое древо правителей Сарира. И в этом контексте нельзя не отметить, что генетическая связь новой династии Шамхалидов с династией владык Сарира подтверждается не только на основе этимологии, но и при правильном прочтении письменных источников.

Возглавив движение газиев, и сделав Кумух его главным плацдармом, Шамхалиды к концу XI в. сумели распространить мусульманские общины и, как следствие, утвердить свою власть практически по всей территории прежде подвластной правителям Сарира. И в итоге, как констатировал В.М. Бейлис, к концу XI в. из синхронных источников исчезает само название Сарир [5, с. 265].

Основанные совместными усилиями Шамхалидов и миссионеров-газиев мусульманские сообщества, одновременно являвшиеся самоуправляющимися территориальными общинами, получили известность как дагестанские «джамааты», а породивший их религиозный и политический центр - Кумух, обрёл возвышающее его почётное звание «Гази» и вошёл в историю под названием Гази-Кумух. При этом и сами Шамхалиды, согласно исторической традиции, обрели новую генеалогию, возводившую их к роду самого пророка Мухаммада (меиб), через Его дядю Аббаса.

Уже в русле этой генеалогии произошло переосмысление титула верховного правителя Дагестана в следствие чего его первоначальная форма «шах-бал» трансформировалась в «шам-хал», что должно было указывать на связь его носителя с территорией ис-

торической Сирии, обозначаемой арабским словом «Шам».

И эта генеалогия не только породнила Шамхалидов с правившей в Халифате династией Аббасидов, но и на века обеспечила им непререкаемую легитимность в Дагестане и особый ореол за его пределами. Сакральный статус династии Шамхалидов передан и их резиденции – Гази-Кумуху, который на протяжении почти пяти веков являлся столицей Шамхальства. Это было второе после Сарира дагестанское историческое государство, впервые получившее своё параллельное название «Дагистан» в датируемом началом XIV в. историческом источнике местного происхождения «Тарих Дагестан». Впоследствии шамхалы обрели почётное звание «Вали», что ещё больше возвысило их в мусульманском мире. В итоге шамхалы стали именоваться Вали Дагестана, их государство - Вилаят Дагестан, а во внешнем мире сложилось устойчивое восприятие Дагестана как исторического государства.

Это была типичная феодальная федерация, в лоне которой и сформировалась полиэтническая дагестанская идентичность. Естественно, что сами шамхалы, вплоть до последнего из них, Шамсудин-шамхала, отказавшегося под давлением царской администрации от своего титула в 1867 г., именовали себя не иначе как «Дагестанский шамхал» или «Вали Дагестана».

В конце XVI в. вследствие изменившейся геополитической ситуации, вызванной завоеванием в 1557 г Астраханского ханства Иваном IV Грозным, Шамхалиды перенесли свою резиденцию в Тарки, после чего этот город стал третьей по счёту столицей Дагестана. Но и тогда Гази-Кумух сохранял свой особый статус как первопрестольная столица Шамхалидов. Здесь по-прежнему проводились выборы и коронация очередного шамхала, а также погребение усопших, свидетельством чему служит шамхальское кладбище.

Во второй половине XVII в., вследствие внутреннего конфликта в доме Верховных правителей Дагестана, Гази-Кумух становится центром владения, которое со временем обретёт статус Гази-Кумухского ханства под властью боковой ветви династии Шамхалидов. При этом, оно останется вассальным по отношению к Вали Дагестана подобно Кайтагскому уцмийству, Табасаранскому майсумству, Хунзахскому нуцальству и ряду других удельных владений.

Роль Шамхалидов в утверждении ислама была хорошо известна не только в Дагестане, но и за его пределами, а их первопрестольная столица Гази-Кумух воспринимался как главный центр Ислама суннитского толка на всём Кавказе. В своё время это засвидетельствовал сам Тамерлан в ходе карательных рейдов во внутренний Дагестан, совершённых им в наказание за поддержку хана Золотой Орды Тохтамыша. Разбив близ города Акуша войско, предводительствуемое шамхалом, он подступил к Гази-Кумуху с «чувством внутреннего разочарования», вызванного, как свидетельствуют его историографы Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Йезди, тем, что «те, кто (каждый) год и месяц сражались с неверными,... теперь, изменив свой обычай,... поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому, на что надеялись на них» [26, с. 124, 186]. Но и при таких обстоятельствах Тимур, не только не разрушил город, но даже не вступил в него. Расположившись близ Гази-Кумуха, он, по свидетельству тех же авторов, принял «явившихся к нему с раскаянием раисов», т.е. представителей городского совета, «обласкал их разными милостями» и дал наставление впредь воевать с «неверными», после чего закрепил за ними их земли, выдал соответствующие ярлыки, и мирно отослал к себе [26, с. 186].

И схожим образом повёл себя Надиршах, стремившийся во всём походить на Тимура. Как известно, он трижды, после ожесточённых боёв, вступал к Гази-Кумуху, который в это время был уже не столицей Дагестана, а резиденцией одного из удельных владетелей, Сурхай-хана I Гази-Кумухского, но при этом не нанёс городу ни малейшего ущерба.

Гази-Кумух и в XIX в. оставался для дагестанцев самым ярким символом их единства и приверженности исламу. Причём это засвидетельствовал сам имам Шамиль, когда в 1842 г., ненадолго заняв Гази-Кумух, направил в различные локальные сообщества Дагестана и даже Чечни воодушевляющие письма, в которых писал: «С помощью Аллаха, я без осложнений занял город Гази-Кумух – Мать всех [наших] общин [джамаатов]» [28, с. 131]. В этом контексте нельзя не провести параллель между использованной им конструкцией «мать всех общин» с известной из русской истории формулой «Киев – мать городов русских». Разумеется, имам Шамиль не знал этой формулы, но схо-

жая роль двух религиозно-политических центров привела к столь близкой их оценке.

И, по сути, аналогичным образом оценил значение Гази-Кумуха один из прозорливых царских офицеров, штабс-капитан Российского Генерального штаба К.И. Прушановский. Касаясь тех же событий 1842 г., он писал: «С отложением Гази-Кумуха положение наше в Дагестане было весьма затруднительно, мы могли ожидать восстания всех земель, лежащих между Терекон и Самуром» [24, с. 94].

Именно понимание особой религиозно-политической роли Гази-Кумуха в дагестанской истории побудило царскую администрацию, после подавления известного восстания 1877 г., изъять из названия города почётную приставку «Гази». Ведь таким образом проще было низвести его до ординарного сельского поселения, служащего административным центром Лакского округа Дагестанской области, а затем Лакского района Дагестанской АССР, а в итоге изъять из общественного сознания дагестанцев восприятие Гази-Кумуха как исторического, общего для всех религиозно-политического центра. Тем более что первый шаг в этом направлении был сделан ещё в 1868 г., когда в I выпуске официозного издания «Сборник сведений о кавказских горцах» была опубликована историческая записка «Шамхалы Тарковские», составленная Временной Комиссией. Ограничивая власть Дагестанских шамхалов рамками их Тарковского домена, эта, по сути, анонимная комиссия разрушала идею дагестанской полиэтнической государственности, действительность которой на протяжении столетий утверждалась самой личностью Верховного правителя Дагестана. Ведь как утверждал Гегель, «личность государства, действительна лишь, как лицо, как монарх. Личность служит выражением понятия как такового; лицо вместе с тем содержит его действительность...» [12, с. 295]. В результате Шамхалиды были низведены до уровня своих же вассалов: ханов Гази-Кумухских, уллу-биев Эндирейских, Аксаевских и Костековских, принадлежавших к боковым ветвям той же династии, а также Кайтагских уцмиев, Табасаранских майсумов, Хунзахских нуцалов как представителей самостоятельных династий.

В советский период процесс дезинтеграции дагестанской исторической государственности, запущенный на уровне общественного сознания, получил дополнительный мощный импульс. Марксистская доктрина об опреде-

ляющей роли народных масс в историческом процессе привела к тому, что возглавившие миссионерское движение газиев - Шамхалиды, были отстранены от процесса утверждения Ислама в Дагестане, а их место заняли народные массы. Естественно, что роль этих народных масс была возложена на население деградировавшего к этому времени Кумуха и близлежащих территорий, составлявших Лакский район. В результате такой историко-материалистической конструкции именно на лакский народ была возложена ответственность за исламизацию Дагестана. Причём, поначалу это была именно ответственность, а не заслуга, так как в условиях государственного атеизма не могло быть иначе. Но одновременно был найден и способ спасти репутацию хоть небольшого, но советского народа, взвалив основную долю «вины» на завоевателей арабов, огнём и мечом исламизировавших Дагестан в VIII в., поскольку позднее в Дагестане их уже не было. Тем более что такая версия бытовала как в местной устной традиции, так и в задокументированных материалах, собранных Кавказской Археографической комиссией [1, с. 535].

Но постсоветский религиозный ренессанс в Российской Федерации в целом, и в Дагестане в частности, привёл к тому, что то, что прежде трактовалось как некая вина, стало восприниматься как особая заслуга. В таких условиях у историков полиэтнического Дагестана появился социальный заказ на обоснование сопричастности того или иного этноса к процессу его исламизации. Но так как сами они были выпестованы в канонах единственно верного марксистского учения, превратившегося для многих в вероучение, у них не возникло сомнения в методологической ущербности самого тезиса о том, что «именно лакцы первыми приняли ислам и распространили его по всему Дагестану». А потому они рьяно принялись доказывать, что на самом деле первыми из принявших ислам дагестанских этносов были лезгины, табасаранцы, даргинцы/кайтагцы, в зависимости от этнической принадлежности самих авторов. При этом главным аргументом служила близость территории расселения конкретного дагестанского этноса к границам Халифата, а также обнаруженные на ней эпиграфические памятники и захоронения. Но такого рода аргументация исключала из борьбы за приоритет в вопросе принятия ислама не только лакцев, но и аварцев, так как они населяли

территории, наиболее удалённые от границ Халифата, проходивших на Восточном Кавказе по Дербенту и Самуру. Но и для этого случая нашлись историки, которые принялись утверждать, что приоритет в принятии ислама принадлежит аварцам, точнее, Джаро-Белоканским аварцам, проживающим за Главным Кавказским хребтом.

В итоге, не имеющая ничего общего с исламом, по сути, трайбализская борьба за приоритет, привела к утрате очевидного приоритета Дагестана в вопросе принятия ислама на всей территории Российской Федерации.

Но как гласит известная пословица «свято место пусто не бывает», и приоритет естественным образом достался Татарстану, где к тому же обладали богатым опытом конструирования идеологием и, более того, мифологием, обрётённым в процессе организации празднования 1000-летия Казани [10]. Как следствие, в Поволжской республике сформулировали очередную мифологию, согласно которой 21 мая 922 года произошло судьбоносное событие, определившее вектор цивилизационного развития предков татарского народа и современного Татарстана. Именно в этот день состоялось официальное принятие ислама правителем Волжской Булгарии.

При этом никто не стал вспоминать о присутствии ислама в Поволжье задолго до начала X в., что отмечено в ряде источников, повествующих о Хазарии, в состав которой входила Волжская Булгария. Не случайно её правитель носил титул эльтебера, свидетельствующий о его вассальном статусе по отношению к правителю Хазарии.

Для решения поставленной задачи хватило и одного фрагментарного арабоязычного источника, известного как «Записки...» или «Путешествие...» Ибн Фадлана [25], посетившего в 922 г. Волжскую Булгарию в составе посольства Аббасидского Халифа ал-Муктадира. Посольство было направлено в ответ на посещение Багдада посланником эльтебера Волжской Булгарии Алмуша, который таким образом обратился к Халифу с просьбой «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от имени Халифа хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства». Одновременно Алмуш, просил о выделении ему 4 тысяч динаров и масте-

ров-строителей для возведения каменной крепости «чтобы укрепиться в ней от царей своих противников», но эта просьба была оставлена без внимания.

По прибытии посольства, секретарём которого и был Ибн Фадлан, на Среднюю Волгу, эльтебер Алмуш принял новый мусульманский титул амира и имя Джафар и, согласно изысканиям современных татарстанских ученых, на специально созванном в городе Булгаре курултае 21 мая 922 г. официально объявил о принятии Ислама.

И то, что Волжская Булгария в X в. объединяла не только ряд тюркских, но и финно-угорских племен, населявших обширные пространства Поволжья и Приуралья, и то, что её генетическая и культурно-историческая связь с Татарстаном остаётся дискуссионной даже в самой республике, не говоря уже о соседних, не помешала легитимации приоритета Татарстана в вопросе о времени и месте утверждения ислама на территории современной Российской Федерации. И всё потому, что новая мифологема была сконструирована по старым хорошо известным лекалам и, соответственно, базировалась на трёх китах: правителе, городе и письменном источнике.

Чтобы понять это, достаточно с компаративистских позиций взглянуть на крещение Руси, хорошо известное из школьного курса русской истории. Невзирая на то, что в его анналах содержатся и легендарные сведения о крещении восточных славян апостолом Андреем Первозванным, и исторические сведения о существовании в Киеве христианской общины, которой покровительствовала вдовствующая Великая княгиня Ольга, причисленная к лику святых как первая христианка на великокняжеском престоле, годом крещения Руси принято считать именно 988 год. А основанием для этого, служит засвидетельствованный в «Повести временных лет» факт, что именно в этом году Великий князь Владимир крестил свою дружину и население Киева, утвердив таким образом христианство на Руси.

Разумеется, нельзя не отметить, что статус эльтебера Алмуша уступает статусу Великого князя Киевского Владимира, в вассальной зависимости от которого находились другие князья. Правителя Булгара можно сопоставить с правителем «царства Табасаран», которого, как уже было отмечено, Масуди называет мусульманином и племянником «(сыном сестры) того Абд ал-Малика, кото-

рый был амиром ал-Баба (Дербента – Т.Г.)». Только в отличие от правителя Булгара, обращавшегося к Аббасидскому Халифу с просьбами, правитель Табасарана являлся племянником сразу двух Омеядских Халифов – Хишама и Валида, поскольку доводился племянником их единокровному брату Масламе ибн Абд ал-Малику.

К этому следует добавить, что Абу-л-Хасан Али ал-Масуди, по мнению И.Ю. Крачковского, считается самым оригинальным географическим автором X в. [17, с. 171] и, по утверждению А.В. Гадло, именно ему принадлежит наиболее полное и систематическое описание Кавказа [11, с. 177]. При этом, как подчёркивал А.П. Новосельцев, труды Масуди, являясь самыми содержательными, являются «и самыми сложными источниками» [23, с. 13].

Наконец, нельзя не учитывать, что в отличие от булгар, табасаранцы как этнос, существуют и поныне, а Табасаран на протяжении столетий, как и сегодня, является составной частью дагестанского исторического государства, тогда как генетическая и культурно-историческая связь Булгара с Татарстаном, как уже было отмечено, продолжает оставаться дискуссионной.

Резюмируя сказанное, и встав на научно-теоретические позиции сконструированной в Татарстане мифологемы, трансформировавшейся в идеологему, можно обосновать, что утверждение ислама на территории современной Российской Федерации состоялось в середине VIII в. в пределах исторического Дагестана, а конкретно, Табасарана. И, что примечательно, указанная конструкция в хронологическом плане будет полностью отвечать и дагестанской исторической традиции, и советской идеологической концепции с той лишь разницей, что изначально ислам утвердился в Дагестане не насильственным, а матримонимальным путем, и не в Гази-Кумухе, а в Табасаране. Но для Дагестана, с его достаточно глубокой историей в этом нет никакой необходимости.

Результаты / Results. Достаточно, не сходя с позиции исторической реальности, признать, что утверждение ислама на территории современной Российской Федерации произошло в результате деятельности одного из представителей династии Верховных правителей Сарира (Сахиб ас-Сарир), правившей Дагестаном на протяжении пятисот лет. Во второй половине XI в. он возглавил интер-

национальное движение вооружённых миссионеров-газиёв, утвердился в Кумухе и до конца XI в. сумел утвердить ислам в наиболее значимых областях и поселениях Дагестана, прежде признававших над собой власть правившей из Хунзаха Сарирской династии, что привело к исчезновению и самого названия Сарир. При этом он обрёл новый, нигде не встречающийся титул шамхал, став основателем новой мусульманской династии Шамхалидов, правившей Дагестаном на протяжении пятисот лет из Гази-Кумуха и последующих трёхсот лет из Тарки.

Относительно же вопроса об утверждении ислама в Поволжье, но именно в Поволжье, а не в Республике Татарстан, которая, в отличие от Республики Дагестан, не является историческим государством, то этого вопроса просто не существует. Доподлинно известно, что здесь ислам был утверждён Великим золотоордынским ханом Узбеком, который по сведениям арабо-иранских источников пришёл к власти в 1312/1313 г. и практически сразу сделал ислам официальной религией своего двора, а следом и всего государства, приняв исламский титул и имя султан Кийяс ад-Дин Мухаммад.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. 1011 с.
2. Ахмедов Ш. М. К вопросу о распространении Ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала: ДФАН СССР. 1975. С. 111–123.
3. Бартольд В. В. Средняя Азия до 12 в. // Сочинения. Т. 1. Москва: Восточная литература, 1963. 755 с.
4. Бартольд В. В. Дагестан // Сочинения. Т. 3. Москва: Наука, 1965. С. 408–419.
5. Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. Москва, 1963. С. 249–266.
6. Буниятов З. М. Комментарий и примечания // Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
7. Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: ИАН АССР, 1965. 383 с.
8. Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 74–83.
9. Гаджиев Т. В. Государство, общество и право в Дагестане (с древнейших времён до второй четверти XIX в.): диссертация ... д. и. н. М.: ИЭИА РАН, 2002. 443 с.; Историческая государственность Дагестана и современные вызовы // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе: Материалы Международной научно-практической конференции (21–22 мая 2018). Нальчик–Ростов-на-Дону, 2018. С. 312–328.
10. Гаджиев Т. В. Докопались? Нет, додумались // Молодёжь Дагестана. № 37. 23 сентября 2005.
11. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград: ИЛУ, 1979. 216 с.
12. Гегель. Философия права. Сочинения. Т. 7. Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1934. 384 с.
13. Ибн-Русте. О Дагестане. Приложение 4 // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва, 1963. 266 с.
14. Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. Пиотровского М. М., Прозорова С. М. и др. Москва: Наука, 1991. 312 с.
15. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. Т. 4, Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1957. 928 с.
16. Куфи. Книга завоеваний. Баку: Элм, 1981. 84 с.
17. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. Москва: Наука, 1966. 261 с.
18. Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала: Даггиз, 1928. 11 с.
19. Масуди. О Кавказе. Приложение 3 // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва, 1963. 266 с.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Географические сочинения XIII в. на персидском языке // Ученые записки института востоковедения. 1954. Т. 9. С. 175 – 219.
21. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва: Восточная литература, 1963. 266 с.
22. Низами. Искендер-наме. Москва: Художественная литература, 1953. 804 с.
23. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. Москва: Наука, 1990. 266 с.
24. Прушановский К. И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе человека в Дагестане с 1823 г. по 1843 г. / Цит. по Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1939. 183 с.
25. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / под ред. И. Ю. Крачковского. Москва–Ленинград: ИАН СССР. 1939. 193 с.
26. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1941. 307 с.

27. Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи: к вопросу о происхождении газневидского государства // Фирдоуси. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1934. С. 51–96.
28. Ghammer M. Muslim resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechenia and Daghestan. London, Portland, 1994. 452 p.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Vol. 7. Tiflis; 1878. 1011 p. (In Russ.)
2. Akhmedov ShM. On the spread of Islam in Dagestan. Issues of the history of Dagestan. Vyp. 2. Makhachkala: DFAN USSR; 1975. P. 111-123. (In Russ.)
3. Bartold VV. Central Asia up to the 12th century. Soch. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature; 1963. 755 p. (In Russ.)
4. Bartold VV. Dagestan // Soch. Vol. 3. Moscow: Nauka; 1965: 408-419. (In Russ.)
5. Beilis VM. From the history of Dagestan VI–XI centuries (Sarir) // Historical notes. Vyp. 73. Moscow, 1963. P. 249-266. (In Russ.)
6. Buniyatov ZM. Commentary and notes // Bakikhanov A. Gulistan-i Iram. Baku: Elm; 1991. 304 p. (In Russ.)
7. Buniyatov ZM. Azerbaijan in VII–IX centuries. Baku: IAN ASSR; 1965. 383 p. (In Russ.)
8. Vavilov NI. World experience of agricultural development of highlands In *Priroda*. 1936;2:74-83. (In Russ.)
9. Gadzhiev TV. State, society and law in Dagestan (from the most ancient times to the second quarter of the 19th century): dissertation ... dr. history sci. Moscow: IEIA RAS; 2002. 443 p.; Historical statehood of Dagestan and modern challenges // Empires, monarchies, republics, confederations as forms of exercising power in the Caucasus: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (21–22 May 2018). Nalchik–Rostov-on-Don. 2018: 312-328. (In Russ.)
10. Gadzhiev TV. Got to the bottom of it? No, they thought of it In *Youth of Dagestan*. No. 37. 23 September 2005. (In Russ.)
11. Gadlo AV. Ethnic History of the North Caucasus IV–X centuries. Leningrad: ILU; 1979. 216 p. (In Russ.)
12. Hegel. Philosophy of Law. Soch. T. 7. Moscow–Leningrad: Sotsekgiz; 1934. 384 p. (In Russ.)
13. Ibn-Ruste. On Dagestan. Appendix 4. Minorsky VF. History of Shirvan and Derbent. Moscow, 1963. 266 p. (In Russ.)
14. Islam. Encyclopaedic dictionary. Ed. by Piotrovsky MM, Prozorov SM, et al. Moscow: Nauka; 1991. 312 p. (In Russ.)
15. Krachkovsky IYu. Arab geographical literature. Selected Works. T. 4, Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1957. 928 p. (In Russ.)
16. Kufi. The Book of Conquests. Baku: Elm; 1981. 84 p. (In Russ.)
17. Lavrov LI. Epigraphic monuments of the North Caucasus. Part 1. Moscow: Nauka; 1966. 261 p. (In Russ.)
18. Malachikhanov B. About the past of Avariya. Makhachkala: Daggiz; 1928. 11 p. (In Russ.)
19. Masudi. On the Caucasus. Appendix 3. Minorsky V. F. History of Shirvan and Derbent. Moscow, 1963. 266 p. (In Russ.)
20. Miklukho-Maklai NN. Geographical compositions of the XIII century in Persian in Scientific notes of the Institute of Oriental Studies. 1954. Vol. 9. 213 p. (In Russ.)
21. Minorsky VF. History of Shirvan and Derbent. Moscow: Oriental Literature; 1963. 266 p. (In Russ.)
22. Nizami. Iskender-name. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1953. 804 p. (In Russ.)
23. Novoseltsev AP. Khazar state and its role in the history of Eastern Europe. Moscow: Nauka; 1990. 266 p. (In Russ.)
24. Prushanovsky KI. Historical note about the beginning and development of the spiritual warfare (or transformed tariqat) of the doctrine of the moral element of man in Dagestan from 1823 to 1843. Cited in Bushuyev SK. Struggle of the Highlanders for Independence under the leadership of Shamil. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1939. 183 p. (In Russ.)
25. Travelling of Ibn-Fadlan to the Volga. Ed. by I. Yu Yu Krachkovsky. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1939. 193 p. (In Russ.)
26. Tizengausen VG. Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Vol. 2. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1941. 307 p. (In Russ.)
27. Yakubovsky A Yu. Mahmud Ghaznavi: to the question of the origin of the Ghaznavid state in Ferdowsi. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1934. P. 51-96. (In Russ.)
28. Ghammer M. Muslim resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechenia and Daghestan. London, Portland; 1994. 452 p.